

Потебня Александр Афанасьевич

Мысль и язык

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Афанасьевич П.**
Мысль и язык / Потебня Александр Афанасьевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
234 с.

ISBN 978-5-519-79310-0

ISBN 978-5-519-79310-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Сочиненіе «Мысль и языкъ», обнародованное лѣтъ тридцать тому назадъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1862 г., въ настоящее время сдѣлалось большою библиографическою рѣдкостію и даже совсѣмъ почти позабыто. Между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, которое, можно надѣяться, съ теченіемъ времени будетъ только возрастать.—Въ этомъ своемъ сочиненіи покойный А. А. Потебня, излагая взгляды Гумбольта и его школы на отношеніе языкознанія къ психологіи и логикѣ, выставилъ рядъ своихъ собственныхъ выводовъ, какъ по этимъ общимъ, такъ и по многимъ привходящимъ сюда частнымъ вопросамъ, выводовъ, ставящихъ задачи русскаго и вообще славянскаго языкознанія на широкую основу исторіи мысли. Развитые здѣсь взгляды покойный авторъ проводилъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ трудахъ, находящихся вслѣдствіе этого въ столь тѣсной связи съ его сочиненіемъ «Мысль и языкъ», что читателю, незнакому съ послѣднимъ, многое въ нихъ будетъ представляться неяснымъ, недосказаннымъ. Это особенно можетъ относиться къ его «Запискамъ по русской грамматикѣ», гдѣ, разсыпая поражающіе мѣткостію и новизною выводы при анализѣ отдѣльныхъ явленій, онъ мало заботится объ общей связи между частными своими обобщеніями, полагая, повидимому, что читатели и сами съумѣютъ найдти ее при помощи сочиненія «Мысль и языкъ», представляющаго стройное изложеніе почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли. Этихъ своихъ взглядовъ А. А. Потебня держался до конца своей жизни, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуется оконченный не-

задолго до его смерти и приготовляемый нынѣ къ печати III-й томъ «Записокъ по русской грамматикѣ», гдѣ, разбирая мимоходомъ нѣкоторыя воззрѣнія, изложенныя въ новѣйшей книгѣ Макса Мюллера—*Das Denken im Lichte der Sprache* (1887 г.), онъ противопоставляетъ имъ свои давнишніе взгляды на отношеніе элементовъ слова къ понятіямъ и представленіямъ, и вообще грамматики къ философіи.— Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося недавно и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Наука о мысли», кстати замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западноевропейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты А. А. Потебнею въ переиздаваемой теперь его ранней работѣ, аналогичной по содержанію съ новою книгою англійскаго языковѣда.

М. Дриновъ.

МЫСЛЬ И ЯЗЫКЪ.

I. Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка.

Вопросъ объ отношеніи мысли къ слову ставитъ лицомъ къ лицу съ другимъ вопросомъ, о происхожденіи языка, и наоборотъ, попытка уяснить начало человѣческой рѣчи, неизбежная при всякомъ усилии возвыситься надъ массою частныхъ данныхъ языкознанія, предполагаетъ извѣстный взглядъ на значеніе слова для мысли, и степень его связи съ душевною жизнью вообще.

Имѣя въ виду изложить нѣкоторыя черты той теоріи языка, основателемъ коей можетъ считаться В. Гумбольтъ, мы по свойству самого предмета, должны вмѣстѣ говорить и о происхожденіи слова. Начнемъ съ указанія на нѣкоторые прежніе взгляды, которые должны быть разрушены, чтобы дать мѣсто новымъ.

Прежде всего должны быть устранены взаимно противоположныя мнѣнія о сознательномъ изобрѣтеніи слова людьми и о непосредственномъ созданіи его Богомъ. Оба эти мнѣнія очень стары, но возобновлялись и въ недалекія отъ насъ времена и всегда, не смотря на различіе въ частностяхъ, сходились въ основныхъ положеніяхъ, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія.

Теорія сознательно-намѣреннаго изобрѣтенія языка предполагаетъ, что природа и формы человѣческой жизни податливы готовы принять всѣ виды, какіе заблагоразсудитъ имъ дать произволь человѣка; она построена на вѣрѣ во всемогуще-

ство разума и воли, на что-бы они ни были направлены: на преобразованіе государства, литературы, или языка. Послѣдователи этой теоріи придавали особенный вѣсъ произвольности нѣкоторыхъ правилъ литературнаго языка и отсюда заключали о конститутивномъ вліяніи грамматическихъ работъ, на языкъ вообще. Цѣль грамматики, говоритъ Мерзляковъ, «оградить языкъ отъ чуждаго вліянія, то-есть сохранить его чистоту и характеръ, опредѣлить каждаго слова собственность, доставить каждому надлежащія границы значенія, то-есть *даровать* ему точность и опредѣленность, несмотря на прихоти употребленія, которое, хотя въ вѣчной враждѣ съ грамматикою, но совершенно уничтожено быть не можетъ, какъ средство, придающее слогу иногда краткость, силу, или по-крайней-мѣрѣ, живость и легкость ¹⁾». «Языкъ отечественный, по словамъ другаго ученаго того времени, Каченовскаго, не можетъ быть точнымъ, постояннымъ, совершенно вразумительнымъ въ самыхъ малѣйшихъ отбѣнкахъ понятій, если грамматика не предпишетъ ему твердыхъ правилъ». «Каждый языкъ, доколѣ не имѣетъ своихъ собственныхъ правилъ извѣстныхъ, извлеченныхъ изъ его внутренней природы, доколѣ подверженъ бываетъ частымъ измѣненіямъ отъ вліянія на него другихъ сосѣдственныхъ или даже отдаленныхъ языковъ». Здѣсь нѣкоторая примѣсь чуждой этому направленію мысли о самостоятельности и народности языка, но всегда за тѣмъ опять переходъ къ любимой темѣ—неограниченной власти человѣка: «когда-же появляются сіи благодѣтельные законодатели, отечественному языку своему назначающіе кругъ его дѣйствія и предѣлы его движенія? Безъ сомнѣнія, уже въ то время, когда языкъ сдѣлался уже богатымъ, по мѣрѣ пріобрѣтенныхъ народомъ познаній, когда въ народѣ явились уже превосходные писатели, однимъ словомъ, когда просвѣщеніе пустило уже глубоко свои корни ²⁾». Такимъ-образомъ законодательство, сообщающее языку всѣ

¹⁾ Труды Об. Люб. Русск. Слов. I, 60, 1812 г.

²⁾ Тр. Об. Л. Р. Сл. IX, 19—20. 1817. Ср. Мерзл. Тр. Об. I. 58.

требуемая превосходныя качества, возможно только тогда, когда языкъ самъ приобрѣлъ ихъ и не нуждается въ законодательствѣ. Употребленіе, враждующее съ грамматикой и неосуждаемое на смерть, только ради нѣкоторой приносимой имъ пользы, оказывается единственною законодательною властью; но такъ-какъ оно прихотливо и непостоянно, то можно думать, что въ языкѣ вовсе нѣтъ законовъ. Все въ немъ какъ-то случайно, такъ-что, напр. раздѣленіе его на нарѣчія не есть слѣдствіе въ немъ самомъ сокрытыхъ условій жизни, а дѣло внѣшнихъ обстоятельствъ, въ родѣ татарскаго погрома: «исполненскими шагами текли Россы къ обогащенію своего языка: какъ вдругъ гроза, которую честолюбіе князей давно готовило, обрушилась надъ нашимъ отечествомъ и истребила только возраставшіе успѣхи просвѣщенія... Сѣверо-западная часть Россіи заняла много словъ, *а еще болѣе окончаній* (?!), *свойственныхъ языку литовцевъ*» (оттуда бѣлорусское нарѣчіе); «языкъ южной Руси, потерявъ средство съ славяно-русскимъ, совершенно приблизился къ польскому» (оттуда малорусское нарѣчіе); «все-же государство... перенимало множество реченій татарскихъ ¹⁾».

Съ подобными убѣжденіями въ господствѣ произвола надъ языкомъ странно стались мнѣнія о необходимости и важности слова. Словомъ, говорить Ломоносовъ, который здѣсь можетъ намъ служить представителемъ многихъ другихъ, человѣкъ превосходить прочихъ животныхъ, потому-что оно дѣлаетъ возможнымъ общеніе мысли, связываетъ людей въ общество. Люди безъ слова были-бы похожи на разбросанныя части одной машины, «не только лишены-бы были согласнаго общихъ дѣлъ теченія, которое соединеніемъ разныхъ мыслей управляется, но едва-ли-бы не были хуже звѣрей ²⁾». Очевидно, что человѣкъ въ такомъ состояніи, когда онъ хуже звѣря, не можетъ быть изобрѣтателемъ языка, который ставитъ его выше прочихъ животныхъ, а

¹⁾ Орнатовскій, новѣйшее начерт. правилъ Росс. Грам. Харьковъ, 1810 г. 28.

²⁾ Лом. Грам. § 1.

потому можно-бы думать, что слово врождено-человѣку; но это не такъ, потому-что необходимымъ и врожденнымъ въ человѣкѣ можетъ-быть признана развѣ мысль, но не связь ея съ членораздѣльнымъ звукомъ. Звукъ есть средство выраженія мысли очень удобное, но не необходимое. Неудобство мимики, какъ средства сообщенія мысли, по Ломоносову, только въ томъ, что движеніями нельзя говорить безъ свѣта ¹⁾).

Музыкальные свойства голоса то-же только отчасти неудобны; повышение и пониженіе, степень силы и долготы даютъ звуку столько разнообразія, что, если-бы возможны были люди со струнами на груди, но безъ органовъ слова, то звуками струнъ они могли-бы свободно выражать и сообщать другимъ свои мысли. Съ другой стороны, и мысль существуетъ независимо отъ языка. Конечно, если-бы понятіе было невозможно безъ слова, то языкъ не могъ-бы быть человѣческимъ изобрѣтеніемъ, потому-что одни членораздѣльные звуки еще не языкъ, а предположивъ существованіе изобрѣтающей мысли до языка, тѣмъ самымъ нужно было-бы предположить и слово, такъ-что для изобрѣтенія языка былъ-бы нуженъ готовый уже языкъ. Но такое затрудненіе устраняли утвержденіемъ, что какъ чувственные воспріятія и ихъ воспоминанія происходятъ и въ человѣкѣ и въ животномъ безъ помощи слова, такъ и общія представленія только удерживаются въ памяти, сообщаются другимъ и совершенствуются, а не образуются посредствомъ слова. Согласно съ этимъ мнѣніемъ послѣдователей этой теоріи о происхожденіи языка совершенно противоположны приведенному въ ней положенію о его необходимости.

Сначала люди жили, какъ животныя, потомъ почувствовали побужденіе соединиться въ общество и найти средство взаимнаго сообщенія мысли. Вѣроятно, прежде всего вспала имъ на умъ мимика, но впослѣдствіи они увидѣли недостатки этого языка, замѣтили, что душевныя движенія заставляютъ ихъ издавать извѣстные звуки и что посредствомъ подоб-

¹⁾ Ib. § 8.

ныхъ звуковъ животныя понимаютъ другъ друга. Естественно было примѣнить къ дѣлу это открытіе и сдѣлать звуки знаками мысли. Первые слова были звукоподражательныя. Изобрѣтатели языка поступали, подобно живописцу, который, изображая траву или листья древесныя, употребляетъ для этого зеленую краску; желая напр. выразить предметъ дикій и грубый, избирали и звуки дикіе и грубые. Затѣмъ, ободренные успѣхомъ, люди стали выдумывать слова, имѣвшія болѣе отдаленное сходство съ предметами. Изобрѣтеніе словъ для общихъ представленій то-же не представило особенныхъ трудностей: общія представленія уже были: должны были явиться и названія для нихъ, потому-что, въ противномъ случаѣ, пришлось-бы не только для всякаго новаго предмета извѣстнаго рода, но и для всякаго новаго воспріятія того-же предмета имѣть особое слово, а такого множества словъ не могла-бы вмѣстить никакая память, да и самое пониманіе было-бы невозможно. Такъ появились и части рѣчи: нужно было называть субстанцію—выдумывали существительное, сами не зная, подобно пылѣвшимъ необразованнымъ людямъ, что это—существительное; требовалось обозначать качество—выдумали прилагательное и т. д. Не слѣдуетъ поражаться глубокимъ разумомъ, съ какимъ въ языкѣ звуки передаютъ изгибы мысли, потому-что языкъ, подобно всѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніямъ, вначалѣ грубъ и только исподоволь достигаетъ совершенства (при чемъ забывается принимаемая многими и въ XVIII в. мысль, что и грубѣйшіе языки устроены премудро, т. е. стоятъ безконечно выше намѣреннаго, личнаго творчества). (Не слѣдуетъ также слишкомъ удивляться изобрѣтателямъ языка, потому-что дѣло ихъ вытекло не изъ глубокаго размышленія, а изъ чувства нужды ¹⁾) (какъ будто наше уваженіе къ великому человѣку уменьшится отъ того, что ему необходимо было самому сознать необходимость истины, прежде чѣмъ показать ее свѣту).

¹⁾ Такъ Тидеманъ (XVIII в.) и мн. др. см. Steintal, Der Ursprung der Sprache. 2-е изд. 5—12.

Противорѣчіе между необходимостью языка и произволомъ въ его изобрѣтеніи совершенно вѣрно общему направленію теоріи сформулировано у Орнатовскаго: «языкъ или слово, въ обширѣйшемъ смыслѣ, есть способность выражать понятія членораздѣльными звуками; языкъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, есть содержаніе (по Тидеману, прямо, собраніе) всѣхъ тѣхъ членораздѣльных звуковъ, которые какой-либо народъ, *по общему согласію*, употребляетъ для взаимнаго сообщенія понятій» ¹⁾. «Даръ слова есть даръ общій, *естественный, необходимый*; напротивъ того языкъ, употребленіе сего дара, есть нѣчто *искусственное, произвольное*, зависящее отъ людей»; онъ есть изобрѣтеніе, «слѣдствіе *договора*, заключеннаго членами общества для сохраненія общаго единогласія» ²⁾.

Въ мысли о постепенномъ совершенствованіи языковъ видно законное стремленіе низвести къ возможно меньшимъ величинамъ все врожденное и сразу данное человѣку; но это стремленіе, дурно направленное, привело къ тому, что искомая величина, высокое развитіе человѣка, принята за данную и уже готовую. При этомъ самый процессъ исканія оказывается излишнимъ. Такъ напр., языкъ нуженъ для общества, для согласнаго теченія его дѣлъ, но онъ предполагаетъ уже договоръ, слѣдовательно общество и согласіе. Совершенствованіе мысли возможно только, посредствомъ ея сообщенія, науки, поэзіи, слѣдовательно—слова; но слово возможно только тогда, когда мысль достигла совершенства, уже и безъ него. Нѣтъ языка безъ пониманія, но пониманіе возможно только посредствомъ словъ, незамѣнимыхъ самою выразительною мимикою. Положимъ, что можно условиться, посредствомъ мимики, называть столъ *столомъ*, но тогда нужно будетъ принять, что въ другихъ предшествующихъ случаяхъ связь между членораздѣльнымъ звукомъ и мыслью была непосредственно понятна, т. е., что, рядомъ съ произ-

¹⁾ Орнат. новѣйш. начерт. и пр. стр. 37.

²⁾ Ib. стр. 8, 36.

вольно выдуманными и условными словами, были въ языкѣ слова произвольныя и всѣмъ одинаково вразумительныя, безъ договора. Это уничтожаетъ основное положеніе, что языкъ есть дѣло договора, наборъ условныхъ знаковъ.

Второе предположеніе, о Божественномъ началѣ языка въ неразвитой формѣ, впервые появилось, по всей вѣроятности, задолго до рассмотрѣннаго выше, но оно имѣетъ мѣсто и въ исторіи развитія близкихъ къ намъ по времени взглядовъ на языкъ. Мысль, что въ языкѣ есть много сторонъ, о которыхъ и не снилось человѣческому произволу, и что сознательно направленные силы человѣка ничтожны въ сравненіи съ задачами, которыя рѣшаются языкомъ, можетъ служить спасительнымъ противодѣйствіемъ теоріи намѣреннаго изобрѣтенія; но въ теоріи откровенія языка эта мысль представляется въ такомъ видѣ, что уничтожаетъ или себя, или возможность изслѣдованія языка вообще.

Откровеніе языка можно понимать двояко: или послѣ созданія, Богъ въ образѣ человѣческомъ былъ учителемъ первыхъ людей, какъ полагаетъ Гаманнъ¹⁾, или-же языкъ открылся первымъ людямъ посредствомъ собственной ихъ природы.

Въ первомъ случаѣ предполагается, что Богъ говорилъ, а люди понимали; но какъ даръ невозможенъ безъ согласія принимающаго, такъ пониманіе Божественнаго языка предполагаетъ въ человѣкѣ знаніе этого языка, возможность создать его собственными силами. Дѣти выучиваются языку взрослыхъ только потому, что при другихъ обстоятельствахъ могли-бы создать свой.

Во второмъ предположеніи, что языкъ непосредственно вложенъ въ природу человѣка, то-же два случая: 1) если даны человѣку только зародыши силъ, необходимыхъ для созданія слова, и если развитіе этихъ силъ совершалось по законамъ природы, то начало языка вполне человѣческое и Богъ можетъ-быть названъ творцомъ языка только въ томъ

¹⁾ Steinthal, Der Urspr. d. Spr. 56.

смыслѣ, въ какомъ онъ—Создатель міра; 2) поэтому остается только одно предположеніе, что высоко совершенный языкъ непостижимыми путями сразу внушенъ человѣку. Тѣмъ самымъ вся сила теоріи Божественнаго созданія языка сосредоточивается въ утвержденіи превосходства первозданнаго языка надъ всѣми позднѣйшими.

Такъ-какъ теперь языкъ образованнаго народа, по объему и глубинѣ выраженной въ немъ мысли, ставится выше языка дикарей, то и совершенства первобытнаго языка могли состоять не въ одномъ только благозвучіи, но и въ достоинствѣ содержанія. Божественный языкъ во всемъ долженъ былъ соотвѣтствовать первобытному, блаженному состоянію человѣка. «Тотъ языкъ, говоритъ К. Аксаковъ ¹⁾), которымъ Адамъ въ раю называлъ весь міръ, былъ одинъ *настоящій* для человѣка; но человѣкъ не сохранилъ первоначальнаго блаженнаго единства первоначальной чистоты, для того необходимой. Падшее человѣчество, утративъ первобытное и стремясь къ новому *высшему* единству, пошло блуждать разными путями; сознаніе, одно и общее, облеклось различными призматическими туманами, различно преломляющими его свѣтлые лучи и стало различно проявляться». Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ собраны всѣ несообразности, которыми страдаетъ теорія откровенія языка. Мудрость, дарованная въ началѣ человѣку безо всякихъ усилій съ его стороны, а вмѣстѣ нераздѣльная съ нею высокія достоинства языка, могли только забываться и растрачиваться въ послѣдующихъ странствованіяхъ человѣка по земной юдоли. Исторія языка должна быть исторіею его паденія. По-видимому это подтверждается фактами: чѣмъ древнѣе флектирующій языкъ, тѣмъ онъ поэтичнѣе, богаче звуками и грамматическими формами; но это паденіе только мнимое, потому-что сущность языка, связанная съ нимъ мысль растетъ и преуспѣваетъ. Прогрессъ въ языкѣ есть явленіе до такой степени несомнѣнное, что даже съ точки противоположной ему

¹⁾ Опытъ Русск. Грам. Ч. I. Вып. I. 1860. Стр. 3.